

**Шушакова Галина Николаевна
Кириллова Роза Владимировна**

Удмуртский государственный университет, Ижевск

К ВОПРОСУ ОБ УДМУРТСКО-ТАТАРСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассмотрены удмуртско-татарские взаимосвязи в устной и письменной традиции. Отмечается влияние ислама на традиционные верования удмуртов восточной контактной зоны и финно-угорского влияния на воззрения чепецких татар. Выявляются некоторые фольклорно-литературные взаимосвязи и контакты двух народов в сфере образования.

Ключевые слова: *удмуртско-татарские взаимосвязи, верования, фольклорные образы и образование.*

The research is about interrelations between Udmurt and Tatar in oral and written traditions. Influence of Islam on traditional beliefs of Udmurts of east contact zone and Finno-Ugric influence on Chepetsk Tatars. Appearance of interrelations in education on base of folklore, literature and contacts of two different ethnic groups.

Key words: *Udmurt and Tatar interrelations, beliefs, folklore views, education.*

Духовная культура современных удмуртов формируется на основе древних общих финно-угорских воззрений и в тесном взаимодействии с мифологией и культурой соседствующих народов Урало-Поволжья.

В данной статье мы обращаемся к выявлению взаимосвязанных элементов в устной народной традиции и художественном литературном творчестве удмуртов и татар. В вопросах верований у удмуртов наблюдается синкретизм, сложившийся на основе древних финно-угорских воззрений, элементов ислама и христианства. Так, древнейшим божеством удмуртов, сохранившимся ещё со времён финно-угорского единства, является Инмар, верховное божество. Антагонистом этому божеству в устном поэтическом творчестве удмуртов противостоит злое существо Шайтан. Именно его возникновение связывается с влиянием ислама на воззрение удмуртов. Под влиянием ислама и христианства на первый план выходит Инмар, который практически сливается с христианским Богом. Воздействие мусульманской народной культуры проявлялось и в том, что удмурты-язычники почитали Акташа, а к имени верховного бога Инмара добавляли эпитеты Аляк (< Аллах) и Каба (< Кааба). Ислам оказал влияние и на традиционные верования удмуртов восточной контактной зоны, в частности, «...он повлиял на эволюцию представлений о божестве Кылчин, в низшую мифологию и демонологию удмуртов проникло множество персонажей татарской и башкирской мифологии» [Пислегин, Чураков, 2014].

Финно-угорское же влияние на воззрения татар, наблюдается прежде всего на севере современной Удмуртской Республики у чепецких татар, которые оказались территориально отдаленными от казанских татар. Интересные сведения приведены в пособии Касимова Р. Н. и Пислегина Н. В. [Касимов, Пислегин, 2012]. В частности отмечается, что представления чепецких татар о «домашних духах» близки воззрениям финно-язычных народов Поволжья и восточных славян и, вероятно, связаны с мифологическими традициями местного финно-угорского населения. Банный дух (минча-би) требовал к себе особого внимания и уважения. Татары соблюдали запреты и предписания, касающиеся регламентации поведения в бане. Например, не рекомендовалось ходить в баню после полуночи. С целью задабривания природных духов – су-апасе (водяной) и урман-иясе (леший), люди приносят символические жертвоприношения «хозяевам»: хлеб, соль, лоскуты ткани, кости животных и др. Среди чепецких татар практически неизвестны такие популярные среди казанской группы образы, как шурале, ярымтак, уряк.

«Бытовавшие среди чепецких татар жертвоприношения в честь постройки нового строения («строительная жертва»), моления о хорошей погоде и т.п. можно объяснить удмуртско-бесермянским влиянием. <...> Такие праздники, как «Рошпо», «Божо», «Машенца-байрам», вероятно, были заимствованы из русской православной культуры через удмуртскую» [Касимов, Пислегин, 2012: 50-52].

Многовековое общение с тюркскими народами оставило ощутимый след и в песенном фольклоре южных удмуртов. Лексика этих песен крайне насыщена татарскими заимствованиями, а также образами из татарского фольклора. Нередко в удмуртских коротких песенных жанрах встречаются образы из классической поэзии Востока, например, образ льва (удм. арыслан) – символ силы; соловья (у́чы) – символ любви; розы – символ всего прекрасного, возвышенного; кипариса – символ юноши; тигра (юлбрас) – символ мужества; обезьяны (маймыл) – символ глупости; павлина (тутый кош, тугыгыш) – символ красоты; верблюда (удм. дуэ) – символ достоинства.

Наблюдается близость татарских и удмуртских четырёхстрочных песен по содержанию, образной и поэтической системе. Например, татарская «Кыска жыр» («Короткие песни») и удмуртская четырёхстрочная песня южных удмуртов:

Сандугачлар, карлыгачлар,
Бар да безнең бакчада,
Кайгысы да, хәсрәте дә –
Бар да безнең башларда.

Удмуртская песня:

Кикы силе шуиськод но,

*Соловьи, ласточки
Есть ведь в наших садах,
И горе, и тоска
Есть ведь в наших головах.¹*

Говоришь, что кукушка кукует,

¹ Подстрочный перевод песенных текстов автора статьи – Кириллова Р.

Учы уг кырза-а медам?
Нунал ортче шуиськод но,
Гумыр уг ортчы-а медам?

*Не соловей ли поет?
Думаешь, что день проходит,
Не проходит ли жизнь?*

Помимо контактов на уровне бытовой крестьянской культуры взаимодействие татарского и удмуртского народов нашло отражение и в сфере развития образования. Эти вопросы нашли отражение в исследовании авторов Пислегина Н.В., Чуракова В.С. [Пислегин, Чураков, 2014]. Для поволжских народов неопределима роль профессора Н.И. Ильминского, разработавшего систему обучения, ориентированного на использование в учебном процессе родного языка учащихся. Свою апробацию она прошла в создаваемых для крещеных татар школах, первая из которых была официально открыта в Казани в 1864 г. Значительный вклад в дело открытия удмуртских школ и организации в них образовательного процесса на первых порах внесли учителя-крещены, владевшие удмуртским языком однофамильцы Б.Г. Гаврилов и Ф.Г. Гаврилов. Б.Г. Гаврилов в 1874 г. на основе крещено-татарских учебников подготовил «Букварь» и «Начальное учение христианской веры» на удмуртском языке, которые в последующем использовались в удмуртских школах в качестве учебных пособий. Другой удмуртский просветитель И.С. Михеев, выпускник Казанской учительской семинарии, «разработал оригинальную методику преподавания русского языка для учащихся национальных школ, которая нашла свое применение, в том числе, и в татарских школах».

Удмуртский просветитель, ученый, литератор Г. Е. Верещагин свои отдельные этнографические зарисовки посвятил татарам Вятской губернии. В частности, им отражены особенности менталитета татарского народа, позволяющие находить взаимопонимание с удмуртами, татарское влияние на удмуртский женский костюм бассейна р. Иж [Верещагин, 1996: 52, 60-63].

Основываясь на исследовании Шарафутдиновой А. Г. о появлении татарской ономастики на персидской основе в языке народов Поволжья, можно выделить слова, встречающиеся в удмуртских народных легендах и литературных текстах [Шарафутдинова, 1998: 50]. Некоторые антропонимы (человекообразные герои мифов), имеющие болгарские корни вошли в удмуртские легенды как личные имена фольклорных персонажей: Эштэрек, Шамардан, Ядыгар, Эштуган. Эти же имена сохранились и в названиях населенных пунктов Удмуртии и Татарстана. Наиболее популярным в удмуртской фольклорной, а затем и в письменной традиции стал герой Эштэрек (Ср.: булг.: Иштерек). Эштэрек (удм.) – кузё, потомок батырей; Иштирек (*там.*) – географическое название; Иштирок (*перс.*) – участие, соучастие; то, что присовокупляется к основной части.

Во взаимодействии культур большую роль играют художественные переводы, начатые удмуртскими и татарскими писателями еще в 30-е годы XX века, которые продолжают и в настоящее время. Отметим только некоторых удмуртских авторов: М. Петров (стихотворение Мусы Джалиля «Зэй-

наб» – перевод непосредственно с оригинала), Гай Сабитов – (переводы «Моабитских тетрадей» Мусы Джалиля, «Шурале», «Туган тел» («Родное слово») и другие произведения Г. Тукая, им же переведены стихотворения *Заки Нури, Роберта Минуллина, Сигбата Хакима, Хасана Туфана и других поэтов-писателей*), переводы стихотворений современного удмуртского поэта Ар-Серги на татарский язык и т. д..

Итак, можем утверждать, что взаимодействие двух соседних народов на протяжении длительного времени благотворно влияет на всё историко-культурное развитие обоих народов.

Литература

Верецагин, Г. Е. Собр. соч.: в 6 т. /под ред. В.М. Ванюшева. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / отв за выпуск Л. С. Христюбова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – 260 с.

Касимов, Р.Н., Пислегин, Н.В. История и особенности исламской культуры в Удмуртии: научно-методическое пособие. – Ижевск: изд-во ИПК и ПРО УР, 2012.– 80 с.

Пислегин, Н. В., Чураков, В.С. Этнокультурное взаимодействие татар и удмуртов в XIX начале XX века // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. №2 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnoe-vzaimodeystvie-tatar-i-udmurtoy-v-xix-nachale-xx-veka> (Научная библиотека Кибер Ленинка).

Шарафутдинова, А. Г. Персидский пласт словарного состава татарского языка. – Наб.Челны, 1998. – 192 с.

Юсупов Айрат Фаикович

Казан (Идел буе) федераль университеты, Казан

ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ӘДӘБИ ТЕЛЕНДӘ «БУЙ» ТАМЫРЫННАН ЯСАЛГАН БӘЙЛЕК ҺӘМ БӘЙЛЕК СҮЗЛӘРНЕҢ КУЛЛАНЫЛЫШ ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

В данной статье рассматриваются вопросы культуры речи в татарском языке, в частности изучается специфика употребления послелогов и послеложных слов, производных от корня «буй». Выявляются нарушения стилистических норм татарского языка, происходящие вследствие неправильного употребления специфических конструкций родного языка, приводятся правильные варианты данных конструкций.

Ключевые слова: татарский язык; культура речи; послелог; послеложные слова.

This article deals with the culture of speech in the Tatar language, in particular, it studies the specifics of the use of postpositions and poslelozhnyh words derived from the root «buoy». Detect violations of stylistic norms of the Tatar language, occurring as a result of misuse of the specific structures of the native language are correct variants of these structures.